значительную научную ценность, несмотря на ряд возможных возражений. Она вызывает интерес к важным проблемам, поставленным еще Г. А. Воскресенским, М. Е. Евсеевым, А. В. Михайловым и др. и петербургской Библейской комиссией, к сожалению, рано прекратившей свою плодотворную деятельность. Другой крупный авторитет в области старославянской евангельской текстологии Й. Врана поместил статью «Македонская редакция старославянских евангелий», в которой он подводит предварительный итог целому ряду своих исследований. По его мнению, ошибкой ученых, пытавшихся восстановить первоначальный кирилло-мефодиевский текст Евангелия — Й. Вайса и К. Горалка — было стремление сначала априорно установить принципы и характер развития текстов старославянских евангелий, а потом приступить к их рассмотрению, в то время как следовало в первую очередь заняться установлением типов старославянских евангелий, их взаимосвязями и редакциями, а затем выяснять, какой правке подвергались те или иные типы, и обратиться к реконструкции прототипа. Старославянские евангелия принадлежат, как известно, к двум редакциям: македонской и болгарской (восточноболгарской), или «охридской» и «преславской». И та и другая, по мнению Й. Враны, претерпела изменения по сравнению с моравской первоначальной редакцией. Чтобы определить эти изменения, нужно обратиться к третьей моравско-паннонской редакции, отраженной в хорватско-глаголических миссалах (мысль, близкую к этой, высказывал еще в 1899 г. М. Н. Сперанский, а позже А. В. Михайлов), и сравнить ее с охридской и преславской. Такая методика покажет чрезвычайную, по мнению Й. Враны, архаичность хорватско-глаголических евангельских текстов, а также характер более новой болгарской (преславской) редакции, следовавшей принципам Константина — Кирилла, но кое-что изменившей по греческому тексту под влиянием царьградских литературных кругов. Эти изменения касались прежде всего тетра, но они проникли и в апракос. Македонская же редакция оказалась архаичней, ближе к моравскому прототипу, но в то же время в ней отражается грецизация некоторых мест, не грецизированных в восточноболгарской редакции. Дальнейшие исследования следует вести на основе сравнения текстов полного апракоса южнославянского и восточнославянского происхождения, а также хорватско-глаголических текстов миссала. Проблема происхождения древнейших текстов славянской псалтыри рассматривается М. Пантелич в статье «Западные варианты в старославянских псалтырях». Вслед за Й. Вайсом, Й. Лауренчиком и Ж. Леписсье, на нескольких конкретных примерах М. Пантелич устанавливает влияние латинской псалтыри (Римской псалтыри в первую очередь, некоторых латинских псалтырей французского происхождения — Лионской, Сент Галуа и др.) на первый перевод славянской псалтыри и делает на этом основании вывод, что перевод был выполнен в Моравии Константином и Мефодием с греческого оригинала с учетом латинских версий.

Ряд статей посвящен конкретным старославянским памятникам. Таковы исследования В. Папазисовской «О Саввиной книге», З. Курзовой «К анализу охридских листков», Г. Георгиевского «Хилендарские листки», Р. Угриновой-Скаловской «Енинский апостол в сравнении с некоторыми другими апостолами», В. Стойчевской-Антич «Листки В. М. Ундольского». В них, помимо уже известных в науке наблюдений, вскрываются и некоторые новые факты, в частности утверждается возможность наличия одноеровой диалектной системы уже в XI в., как это отражено в Енинском апостоле, листках Македонском кириллическом и Ундольского, в Реймском евангелии. Передаче неславянских личных имен в Сборнике Клоца и Гомилиаре Михановича посвящено исследование М. Миовского. Л. Василев-Стефовская произвела интересный сравнительный анализ инициальных букв в старославянских кирилличеких памятниках, установив в них черты более старой глаголической традиции. Мало изученному вопросу экфонетической (надстрочной) нотации в древних славянских рукописях посвятил свои этюды Д. Стефанович.

В сборнике посмертно помещен труд крупнейшего знатока древнесербской литературы Дж. С. Радойчича «О Константине-Кирилле и Мефодии и о начале славянской письменности». В нем особое внимание привлекает предположение автора, что черты и резы, о которых писал Черноризец Храбр, отражены в так называемых праболгарских рунах, известных и в Черногории (развалины монастыря Шудиковы), и в Боснии (в виде магической вышивки), и на территории нашей страны. Пока не издан корпус этих знаков, подобно тому как это сделал недавно В. С. Драчук для гербовых боспорских знаков Причерноморья [3], трудно сказать что-либо определенное по этому довольно гипотетическому вопросу. Широкую картину исторических условий, в которых зарождалась и протекала деятельность Солунских братьев и их учеников, воспроизвел Б. Ристовский в кратком исследовании «Некоторые вопросы, связанные с появлением христианства и письменности у славян в Македонии».

Ряд статей и заметок освещает проблему периодизации древней южнославянской письменности, истории ее норм и стилистических приемов. Д. Богданович пишет «О некоторых вопросах лексикогра-

[3] Драчук В. С. «Загадочные знаки» Северного Причерноморья.— Archeologia, XXI, 1970; XXII, 1971, Wrocław — Warszawa — Kraków.